

Обретя нынешнее тело, Ци Цзиншэн не старался специально сближаться с младшим братом, но и не отдалялся. Ежедневные приветствия выражали заботу и любовь, хотя он и не подходил слишком близко. Такое поведение вполне соответствовало обычному семнадцатилетнему юноше. В конце концов, разница между подростком и младенцем огромна, и редко какой мальчик проявляет интерес к малышам.

Машина, спустившись с горной серпантины, мчалась с бешеной скоростью и, въехав в усадьбу Шэньюань, направилась прямо к Залу Чуныцзай.

Ци Цзиншэн невольно напрягся. Он больше не был тем юношей, чьи духовные и физические силы только начинали развиваться. Теперь он мог легко контролировать свое небольшое силовое поле, чтобы не привлекать внимание к своему влиянию на Ци Цзиньяна.

Однако в глубине души он испытывал противоречивые чувства.

В прошлой жизни, когда он умер, Ци Цзиньяну было всего пятнадцать лет. Братья были слишком разными: один уже взрослый, учился в университете, служил в армии и занимался семейным бизнесом, другой — слабый здоровьем, почти не покидал усадьбу Шэньюань, и даже уроки ему преподавали дома.

Ци Цзиншэн не слишком часто общался с младшим братом. На первый взгляд, когда он был в Фэнчэне, Ци Цзиньян с удовольствием следовал за ним, как маленький хвостик. Отец был слишком строг, и брату больше нравился старший.

Ань Хуэй, сама полная расчетов, воспитала ребенка по образцу благородного и мягкого молодого человека из знатной семьи.

Ци Цзиншэн не мог быть на сто процентов уверен, что Ци Цзиньян в прошлом ничего не знал, но в пятнадцать лет тот, вероятно, еще не успел ничего сделать. Судя по его поведению в то время, он был скорее невиновен.

Теперь, получив второй шанс, он не считал себя умнее всех и продолжал жить с осторожностью.

Единственное, что он не мог решить, — стоит ли так рано проявлять такую осторожность по отношению к младенцу?

Пока он размышлял, Чэнь Лэ остановил машину у ворот главного двора. Привратница уже наблюдала за происходящим и открыла ворота, ожидая их.

Ци Цзиншэн вышел из машины и направился внутрь. По пути двери перед ним открывались заранее. Войдя в восточный теплый павильон Ань Хуэй, он почувствовал волну тепла и услышал прерывистый плач младенца.

— Мама, Цзиньян чувствует себя лучше?

Ань Хуэй нахмурилась. На ее лице не было ни капли макияжа, и от усталости и тревоги она выглядела особенно старой и изможденной.

— Снова поднялась температура, он не может пить воду, а укол, кажется, не подействовал.

Ци Цзиншэн смутно вспомнил, что в прошлой жизни Ци Цзиньян тоже болел в таком возрасте, но потом болезней было так много, что он уже не мог вспомнить, какой именно случай был

особенным.

Ань Хуэй сама успокаивала его полдня, и теперь ее руки едва поднимались. Няня ходила с ребенком по комнате, но никак не могла успокоить Ци Цзиньяна, время от времени нервно поглядывая на хозяйку.

Ци Цзиншэн стиснул зубы и принял решение. Получив второй шанс, он хотел отомстить, но причинять вред младенцу противоречило его принципам. Он хотел уничтожить тех, кто причинил ему зло, но не хотел становиться таким же, как они.

В конце концов, он должен был быть настороже со всеми здесь. Даже если он действительно воспитал волчка, он был уверен, что на этот раз сможет справиться.

— Мама, я только что вернулся с улицы, на мне грязь. Пойду переоденусь, приму душ и сразу вернусь к брату.

Обычно, когда он возвращался с улицы, он мыл руки перед тем, как прикоснуться к Ци Цзиньяну, особенно сейчас, когда тот болел.

— Иди, — сказала Ань Хуэй, уже потерявшая самообладание. Когда Ци Цзиншэн был привезен сюда, ему было почти год, и он не был ее родным сыном, поэтому она просто поручила его няне и время от времени спрашивала о нем. Это был первый раз, когда она ухаживала за таким маленьким ребенком. Она прочитала слишком много книг и статей, и теперь каждая мелочь казалась ей серьезной проблемой, не говоря уже о высокой температуре. Прикусив губу, она наконец добавила:

— Поскорее.

Когда нефрит успокоения души упал, она не придавала этому значения, решив, что он просто неудачно упал. Однако старик, долгое время охранявший храм предков, подошел и вернул нефрит на место.

— Позови Цзиншэна обратно. Молодежь полна энергии, и их присутствие рядом с детьми полезно для малышей.

Ань Хуэй сомневалась и не верила, но, вернувшись после молитвы, увидела, что Ци Цзиньян спокойно спит, и перестала обращать на это внимание. Однако к ночи температура снова поднялась, и она вспомнила слова старшего. Смесь сожаления, сомнений и страха охватила ее, и в конце концов она не выдержала и послала Чэнь Лэ лично привезти Ци Цзиншэна.

Ци Цзиншэн вернулся в павильон Чэнсинь, чтобы принять душ. Тетушка Ли тоже не спала и, пока он брал одежду, вкратце рассказала ему о деталях, которые ей удалось узнать.

Хотя он не знал о внутренних переживаниях Ань Хуэй, Ци Цзиншэн почти догадался. В прошлой жизни ничего подобного с нефритом не происходило, он не покидал усадьбу Шэньюань, чтобы учиться, и Ци Цзиньян болел, пока он был рядом.

Вероятно, именно с этого момента отношение Ань Хуэй к нему начало меняться от безразличия к противоречию. Ее родной ребенок был слаб и болен, а приемный, почти взрослый, был здоров, и она постепенно начала чувствовать себя неуютно.

Этот особый случай, вероятно, был вызван его изменениями. Ци Цзиншэн напомнил себе, что с его изменениями внешние события тоже будут отличаться от прошлого, и нельзя полагаться

на прошлый опыт. Ему нужно было найти время, чтобы посетить храм предков.

Переодевшись, он надел домашний халат в старинном стиле с правым запахом и накинул плащ, отправившись в Зал Чуньцзай. Войдя в восточный флигель, он снял плащ и протянул руки к няне.

— Я возьму его.

Няня сомневающе посмотрела на Ань Хуэй.

— Вы раньше не брали его...

— Я только что спросил тетюшку Ли. Его слишком плотно закутали, он потеет, и ему, вероятно, некомфортно. Я теплый, буду держать его ближе к телу, — Ци Цзиншэн показал Ань Хуэй свою одежду: толстые брюки и халат. — Мама, только не считайте меня грубым.

Врач в комнате поспешил поддержать его.

— Кожа и температура человека действительно помогают успокоить младенца.

За те двадцать минут, что он принимал душ, Ци Цзиньян снова начал плакать, и его даже нельзя было положить в кроватку. Если его не держать на руках и не ходить с ним, он плакал еще громче, и врач не мог даже сделать укол.

Ань Хуэй сдалась и махнула рукой.

— Покажите ему, как держать.

Няня дала несколько указаний, и Ци Цзиншэн сразу же взял ребенка уверенно. Он завернул Ци Цзиньяна в толстый халат, быстро снял пеленки и оставил малыша голеньким, прижав его к своей груди. Он немного опустил ворот халата, оставив голову ребенка открытой, а маленькие ручки беспорядочно двигались.

Ци Цзиншэн осторожно контролировал силовое поле, удерживая его в пределах своего тела. Одной рукой он крепко держал ребенка, а другой протянул палец, чтобы тот схватился за него. Ци Цзиньян сразу же стал плакать тише.

Ань Хуэй сжала платок, а няня смотрела с тревогой. Они не успели остановить его, как Ци Цзиншэн развернул ребенка, и, прежде чем они успели что-то сказать, он перестал плакать.

Ци Цзиншэн улыбнулся, как обычный семнадцатилетний мальчишка, и обратился к Ань Хуэй.

— Вероятно, мое тело теплее, чем пеленки. Ему больше нравится брат, чем няня, правда?

Ци Цзиньян икнул и чмокнул губами. Няня поспешила поднести воду, а врач подошел, чтобы сделать укол в лоб.

Ци Цзиншэн прошелся по комнате несколько раз, и Ци Цзиньян заснул у него на руках, хотя и не очень спокойно.

— Приготовьте кушетку, я буду спать с ним сегодня ночью.

Няня снова засомневалась.

— Старший молодой господин никогда не спал с ребенком, вдруг он перевернется ночью.

Ань Хуэй тоже хотела не спускать глаз с младшего сына всю ночь.

Ци Цзиншэн, казалось, не заметил их сомнений.

— Кроме вас, есть еще одна няня, правда? Вы можете дежурить по очереди. Я не могу всю ночь ходить с ним на руках.

Он говорил так, словно это было само собой разумеющимся.

Ань Хуэй очнулась, осознав, что из-за болезни младшего сына она потеряла достоинство хозяйки. Она потерла лоб и встала.

— Я буду в соседней комнате, организуйте дежурство и сообщайте мне, если что-то случится. Цзиншэн, не переутомляйся. Если сможешь, положи его спать одного.

— Я понял, мама. Идите отдохните, — Ци Цзиншэн сел в кресло, держа Ци Цзиньяна на руках. За это короткое время он подумал о многом.

Он собирался быть с Сяо Ханем и не планировал полностью разрушать семью Ци. Получить то, что у них уже есть, было выгоднее, чем создавать что-то новое, поэтому чем раньше он начнет влиять на Ци Цзиньяна, тем лучше для будущего.

Государство разрешало однополые браки уже несколько сотен лет, но в знатных семьях это было редкостью. Сделать это означало добровольно отказаться от права наследования и оказаться на обочине семейной власти.

Без достаточных сил он не мог идти против этих общепринятых правил, ему нужен был представитель.

Кроме того, лучше было бы, чтобы истинное лицо Ань Хуэй открылось ее родному сыну, или чтобы она, воспитывая его как благородного человека, видела, как он сближается с ее врагом. Это было бы лучшим наказанием, чем просто уничтожить ее.

<http://bllate.org/book/17699/1652351>